

Развитие учения о заблуждении в праве: исторический очерк**Научный руководитель – Дождев Дмитрий Вадимович*****Пестов Михаил Михайлович****Студент (магистр)*

Российская школа частного права (институт), Москва, Россия

E-mail: Pestov-2013@ya.ru

Основная идея доклада заключается в том, что на протяжении классического и пост-классического периодов римского права образуются его две основные формы, в отношении которых и развивался дискурс о незнании права (*ignorantia iuris*). Первую из них можно условно обозначить как *имплицитную*, охватывающую не выраженные в нормативных актах, но признаваемые правопорядком типичные ситуации правового взаимодействия свободных индивидов. Она проявляется при анализе сочинений классических римских юристов, выражавших негативное отношение к незнанию права. Однако её обоснование можно обнаружить скорее у Цицерона, который полагал, что даже несовершенное право может быть познано, поскольку оно укоренено в повседневной практике римских граждан (*De Oratore* 1.43). Очевидно, здесь происходит пересечение с принципом добросовестности, проецировавшимся в представлении о добром муже, который, сознательно вступая в правовое общение, отказывается от индивидуальных установок, принимая заданные модели поведения.

Наряду с ней впоследствии появляется *эксплицитная* форма, отражавшая постепенный рост бюрократического аппарата, широко использовавшего конституции принципсов для распространения римского права на вновь завоеванные территории. Несмотря на распространённый взгляд, который видит в использовании максима *ignorantia iuris nocet* механизм для подавления недовольства местного населения римским правом, мы обнаруживаем связь вменения знания права с самой сущностью правотворчества как установления первичных норм посредством вторичных норм, регулирующих процесс опубликования нормативных актов. Иными словами, заблуждение в праве становится недопустимым именно вследствие существования инструмента по доведению нормативных предписаний до широкого круга лиц, что выступало как бы обратным требованием власти, осуществляющей процесс опубликования. Именно в этот период происходит смещение акцента при применении исследуемого правила. Если раньше максима *ignorantia iuris nocet* была направлена, скорее, на ожидания частных лиц, то теперь она стала регулировать отношения власти и подчинения.

Тем не менее, её роль сохранилась даже в период упадка всякого законотворческого процесса, что имело место в Раннем Средневековье, когда возросший в период феодализма правовой плюрализм существенно усложнил получение достоверных сведений о действующем правовом регулировании. В это время практически всё знание, в том числе и юридическое, сохранялось в стенах церкви, а потому неудивительно, что максима *ignorantia iuris nocet* нередко встречается в папских посланиях и сопровождается цитатами из Нового завета [4, 72 - 82].

Это обусловило то, что к периоду ренессанса средневековой юриспруденции в XII веке, сложилось две самостоятельные линии рассуждений, по которым шло изучение римских текстов, посвященных незнанию права: теологическая и цивилистическая. Их обособленность друг от друга выражалась в направленности глоссирования, поскольку легисты больший акцент делали на разъяснении смысла унаследованных римских текстов, тогда как канонисты в основном обсуждали порочность незнания права с опорой на мнения

предшественников. Именно поэтому они были в большей степени свободны от текстуального содержания памятников римского права, что позволило им ввести в научный дискурс новую терминологию, предложив своеобразные классификации. Так, развитие получает деление незнания, характеризуемое отношением лица к своему незнанию: незнание должного при приложении усилий для его преодоления (*ignorantia simplex*), иррелевантное отношение к незнанию (*ignorantia crassa et supina*), а также желаемое, намеренное незнание (*ignorantia affectata*) [2, 356].

Тем не менее, нельзя не отметить общую тенденцию, которая сближает подходы научных течений: постепенное ослабление требования знания права. Главным образом это выразилось в появлении критерия непреодолимости незнания (*ignorantia invincibilis*), свидетельствовавший о переходе от объективного вменения знания права к субъективным эпистемологическим способностям субъекта. Впоследствии именно этот критерий, подхваченный Куяцием, будет господствующим в период гуманизма. Его представители черпали данный критерий из рассуждений Ульпиана о чрезмерной небрежности (*negligentia crassa*), содержащихся в D.22.6.6.

Вместе с тем, критерий преодолимости впоследствии утратил своё значение ввиду того, что топосы, содержащиеся в данном титуле, оказались непригодны для выработки общего учения о заблуждении при заключении договора, а потому акцент был сделан на D.18.1, чье содержание включало суждение Ульпиана о разногласии (*dissensus*), в большей степени отвечавшее двустороннему характеру договорной конструкции.

Окончательная точка в этой дискуссии была поставлена Савиньи, который отметил, что и фактическая, и юридическая ошибка объединяются критерием *neglegentia crassa*, что сводило обоснованность заблуждения лишь к процессу доказывания. Устранение данного различия позволило ученому ввести деление ошибок на «неподлинные» и «подлинные». Последние касаются тех юридических фактов, чье существование зависит от воли, отсутствие которой обусловлено ошибкой. Это и позволило выстроить дискурс о волеизъявлении, тогда как отдельные фрагменты Дигест, в которых обсуждалась ошибка в праве в различных случаях, были растворены в догматике отдельных правовых институтов, вроде приобретательной давности или неосновательного обогащения [3, 109].

Тенденцию к релятивизации различия в незнании права и факта можно наблюдать и в истории создания первых гражданских кодификаций. Так, если Прусское и Австрийское гражданские уложения ещё содержат прямое упоминание о недопустимости незнания права, то в Кодексе Наполеона такое общее правило отсутствует, что позволило правоприменителю проводить оценку обоснованности ошибки в праве в каждом конкретном случае. Равным образом и Итальянский ГК, хотя и регламентирует ошибку в праве, но уже в институте недействительности договора, совершенном под влиянием заблуждения (art. 1429 n. 4 Codice Civile). Венцом данной тенденции стало Германское гражданское уложение, в параграфе 119 которого отсутствует всякое упоминание о различиях между данными видами заблуждений.

Характерно и то, что на волне переосмысления прежней позиции изменилась и сама формулировка исследуемого правила. Если ранее её положения отражали констатацию объективно понимаемого устройства вещей, то впоследствии именно презумптивное восприятие правила перенесло акцент на субъективное отношение лица к действующим предписаниям [1, 95]. Такое изменение видится вполне закономерным следствием вынесенного из схоластического дискурса критерия преодолимости (*vincibilis*) заблуждения с его изначальной теологической направленностью на конкретного индивида.

Источники и литература

- 1) Kiefner H. Die gegenwärtige Bedeutung der Maxime « Nul n'est cense ignorer la loi»

// Deutsche Landes- Referate zum VII. Internationalen Kongreß für Rechtsvergleichung (1967)

- 2) 2. Lottin D.O. Le problème de l' «Ignorantia iuris» de Gratien à saint Thomas d'Aquin // Recherches de théologie ancienne et médiévale, Vol. 5 (Octobre 1933)
- 3) 3. Schermaier M. Die Bestimmung des wesentlichen Irrtums von den Glossatoren bis zum BGB. Wien: Bohlau, 2000
- 4) 4. Winkel L. Vorbemerkungen zum Thema Rechtsirrtum in der mittelalterlichen Jurisprudenz, zugleich ein Thema aus der Geschichte der Rechtsideologie // Ius commune, 13, 1985.